

*Посвящается Нико Джою Томпсону
и его родителям
Дории Сантлоуфер
и Дугласу Лайлу Томпсону*

Во что превратилась бы жизнь, если бы мы
ни на что не осмеливались?

*Винсент Ван Гог —
в письме Тео Ван Гог
от 29 декабря 1881 г.*

Прошлое не умирает. Оно даже не про-
ходит.

Уильям Фолкнер

Искусство — это ложь, которая делает нас
способными осознать правду.

Пабло Пикассо

Пролог

Париж
Август 1944 года

За то, чем он сейчас занимался, его могли расстрелять.

В комнате было душно: окна закрыты, шторы опущены. Он нанес тонкий слой клея на кальку при свете одной-единственной лампы. Затем наложил кальку на картину, разгладил мягкой тряпкой, и калька прилегла к поверхности, повторив отпечаток каждого мазка под собой. Это был ключевой этап: бумага отделяла старое от нового.

Дождаясь, пока бумага подсохнет, он вытряхнул сигарету из мятой синей пачки «*Gitanes*», закурил и затянулся; дым был едким и горьким.

Как все последние пять лет, подумал он.

Несколько минут он настраивал дешевый бакелитовый радиоприемник, который снабдил антенной, чтобы можно было слушать Би-би-си, а иногда и его любимую американскую музыку. Хотя прослушивание иностранных радиостанций приравнивалось к уголовному преступлению, ему было все равно; это уже не имело значения. В этот вечер ему повезло: звучало трио *King Cole*, голос солиста струился гладко, как шелк, несмотря на помехи.

Он подпевал, имитируя слова, которых не понимал: «итс онли апэйна мун...» — затем проверил

Джонатан Сантлоуфер

поверхность картины: еще не высохла. Инструкция гласила, что этот новый пластичный клей создает прочное соединение, которое в будущем можно будет легко удалить.

Под прозрачной бумагой изображение казалось призрачным, но он никогда его не забудет. Из всех картин, которые он закрасил, эта была самой важной.

В очередной раз потрогав поверхность, он решил, что пора. Нанеся на бумагу слой белой краски на водной основе и создав таким образом чистую поверхность, он установил холст на мольберт. Ему пришла мысль нарисовать клоуна в стиле Руо* или какой-нибудь простой рисунок, но потом он достал из бумажника старую фотографию своей жены Жозетт, сделанную пять лет назад — до того, как мир разорвался на куски. Свет драматично падал лишь на одну половину лица женщины, вторая была скрыта во тьме.

Не выпуская сигарету изо рта, он налил в баночку льняного масла и добавил несколько капель кобальтового осушителя. Хотя он знал, что от этого краска впоследствии потрескается. Но сейчас важнее было сэкономить время. Перебрав оставшиеся тюбики с краской, он распределил маленькие капли по своей импровизированной палитре: марс черный, титановый белый, жженая умбра, неаполитанский желтый, немного драгоценного венецианского красного из почти выжатого тюбика. Все это он присыпал мраморной пылью для более быстрого высыхания.

* Жорж Руо — французский живописец.

Потерянный Ван Гог

Придвинув лампу поближе, он начал работать — быстро, самой большой кистью, наносил черный и умбру, заполняя теневую сторону лица. Для светлой стороны он смешал белый и неаполитанский желтый и быстро наложил его.

Маленькой заостренной кисточкой он добавил несколько изящных мазков, образовавших нос, глаза и рот, затем смешал киноварь с большим количеством белого, чтобы получился розовый, и закрасил губы, пытаясь запечатлеть слабую обнадеживающую улыбку Жозетт.

В радиоприемнике теперь шли одни помехи, но он не отрывался от картины. Погрузившись в работу, он рисовал тени под носом и подбородком, маленьким штрихом обозначил ресницы... Нужно было спешить, артиллерийская канонада звучала все ближе.

Несколькими широкими мазками он выделил лоб и верхнюю часть носа. Затем добавил светлые блики в уголках губ и жирной белой точкой — убедительную слезинку в глазу. Ее не было на фотографии, но Жозетт так часто плакала в последние четыре года, что он мог нарисовать ее слезы по памяти.

На этом он закончил. Не было смысла трудиться над картиной, которая однажды будет уничтожена. Он перевернул ее, написал на обороте «1944», вытер руки и поставил картину перед вентилятором.

Потом он еще пару минут крутил ручку настройки радиоприемника — на этот раз, чтобы найти станцию Сопrotивления и зашифрованную инструкцию, куда доставить картину.

1

Нью-Йорк, Стэнфордвилл
Наши дни

«Антикварный амбар» представлял собой два этажа, набитые старой мебелью, посудой, лампами, детскими колясками, поеденной молью одеждой, стопками заплесневелых книг и журналов. В воздухе витала пьянящая смесь плесени и пыли. Но здесь, среди хлама, был предмет, который Талли подрядился найти.

Несколько человек слонялись вокруг, роясь в чужом мусоре. Талли подошел к прилавку и, выудив из кармана пачку жевательной резинки, принялся рассматривать старые предвыборные значки.

— Вам помочь? — спросил старик. Ему было за семьдесят, редеющие волосы собраны в пучок на затылке, фланелевая рубашка, джинсовый комбинезон, верх которого был украшен нашивками и булавками — *Grateful Dead*, *Jefferson Airplane**, Джоан Бааз, Джими Хендрикс, радуги и знаки мира. Живой экспонат музея Вудстока.

* Американские рок-группы 1960-х годов.

Потерянный Ван Гог

— Почем вот эта? — Талли указал на значок Макговерна/Шрайвера*.

— О, это ценная штука, — оживился старый хиппи. — Не могу расстаться с ней меньше чем за десять баксов.

Талли предложил пять, сошлись на шести. Потрогав свою бейсболку и накладные усы, чтобы убедиться, что они еще на месте, Талли попросил пакет.

— Это обойдется вам еще в пять центов, — сказал старый хиппи. — За экологию же боремся.

— Куда ж деваться, — откликнулся Талли и улыбнулся пошире.

— Я Кэл, — сообщил старик и протянул руку с потрескавшимися грязными ногтями. Сделав усилие над собой, Талли пожал ее и поведал антиквару свою легенду про жену, которая решила обставить дом в «стиле сороковых». Нет ли у хозяина каких-нибудь картин той эпохи?

Кэл повел Талли на второй этаж, где показал несколько пейзажей в рамках, стоявших на пыльном полу; все это было не то.

— Жена хочет какой-нибудь портрет, — сообщил он, на что Кэл ответил, что только что продал последний.

— Вот досада, — Талли и впрямь чуть не выругался и, с трудом взяв себя в руки, спросил: — Что за портрет, интересный?

— Э-э, женский, в основном, в черно-белых тонах.

* Предвыборный значок 1972 года.

Джонатан Сантлоуфер

— Черт возьми... Очень похоже на то, что ищет моя жена.

— Да там ничего особенного, — отозвался Кэл, — но женщине, которая его купила, понравилось.

Так, покупатель — женщина.

— Знакомая?

— Нет. — Старик поправил комбинезон. — Но я знаю ее подругу, она местная, постоянно приходит, декоратор, половину домов в округе обставила антикварными безделушками.

Пока Талли ломал голову, как выудить из Кэла побольше информации, не вызывая подозрений, тот вдруг сказал, что покупательница взяла еще и лампу.

— Настоящий Маккой*, — добавил он и пустился в рассказ о гончарной компании начала прошлого века в Огайо, о том, как вазы носили имя владельца, о различных цветах: «горчичный, бирюзовый, цвета слоновой кости...»

Поугукав требуемое количество раз, Талли спросил, остались ли у Кэла еще такие вазочки. Старый хиппи показал несколько штук, и Талли купил две: зеленую и горчично-желтую. Пока Кэл заворачивал их, Талли добавил подробностей о своей выдуманной жене и недавно купленном доме, который тоже был выдуман, но нуждался в опытном дизайнере, «вот таком, как эта ваша местная девушка, которая уже помогла стольким людям».

* *McCooy* — марка керамики, производившейся в США в начале XX века.

Потерянный Ван Гог

Порывшись в стопке визитных карточек рядом с кассовым аппаратом, старик протянул ему одну из них.

ШЭРОН МАКИНТОШ,
ДИЗАЙНЕР ИНТЕРЬЕРА.

Черт возьми, подумал Талли, обожаю захоlustье. Кэл даже вызвался немедленно ей позвонить и достал сотовый.

Талли отправил в рот новую порцию жвачки и позволил старому хиппи обрадовать Шэрон известием, что он нашел ей нового клиента.

2

Нью-Йорк, Бауэри
Наши дни

Лучи утреннего солнца проникали сквозь стеклянную стену, падали на палитру и на незаконченные картины, стоявшие у стен моей студии в Бауэри: мои новые работы для предстоящей выставки, первой за четыре года, да еще в галерее Маттиа Бюлера, одной из лучших галерей Нью-Йорка. Даже не думал, что судьба подарит мне второй шанс. А все благодаря моему другу Джуду, искусствоведу и эксперту-аукционисту, который знает всех в мире искусства; он лично привел галериста Маттиа Бюлера ко мне в студию и расхваливал меня как мог.

Мои новые картины представляли собой смесь человеческих фигур, деталей интерьера и частей

Джонатан Сантлоуфер

города, которые я видел из окон; я отступил от абстракционизма, которым был известен, но все еще искал что-то, что вывело бы работы на другой уровень и выделило их в ряду других.

Обмакнув кисть в ярко-красный кадмий, я очертил обнаженную фигуру, которая занимала большую часть шестифутового холста. У меня не было уверенности, что Аликс понравится это творение. Картину я писал с нее, но переделывал столько раз, что сбился со счета. Аликс жаловалась и предлагала мне найти другую модель, но это было бы уже не то. С ней никто не мог сравниться.

Прошел год с тех пор, как мы встретились в Италии. Свел нас сумасшедший случай, и я был рад, что вернулся в Нью-Йорк, и просто счастлив, что мы с Аликс живем вместе. Ну, не совсем вместе. Ночевала она чаще всего здесь, но сохранила за собой квартиру в Мюррей-Хилл в качестве «запасного аэродрома».

Взглянув еще раз на картину — я слегка покрасил лицо, сделав его неузнаваемым и таинственным — я на мгновение задумался. Есть что-то в Аликс, чего я до сих пор не знаю. Не сказать, чтобы я сам был открытой книгой; я мало кого подпускаю к себе, на этот факт указывала каждая из моих бывших подруг. Но об Аликс мне хотелось знать все. И быть с ней все время; когда она уходила, я сразу же начинал по ней скучать. Вот как сейчас, когда она отправилась навестить мать. Раз в две недели она отправлялась в центр по уходу за больными стариками в Стэнфордвилле, в двух часах езды от города.

Потерянный Ван Гог

Поработав еще час, я снял пластиковые перчатки, сунул кисти в банки с растворителем и снял рабочую одежду. Когда я, помыв руки, надевал чистую рубашку, скрипнул грузовой лифт, и слышался голос Аликс: «Я дома!» Слова, которые меня всякий раз волновали.

Я обнял ее, и она прижалась к моей груди.

— Я скучал по тебе, — признался я и добавил, посмотрев на ее лицо: — Что-нибудь не так?

— Мама... — ответила Аликс. — Иногда она совершенно меня не узнает.

Я обнял ее покрепче, и она ответила на объятие, но через минуту высвободилась и через силу улыбнулась.

— Шэрон передает привет самому красивому мужчине Нью-Йорка, — сказала она.

— Так надо найти его и передать, — ответил я. Аликс рассмеялась и стала развивать эту тему. Ее старая подруга Шэрон слишком молода, чтобы жить одной «в этом одиноком старом доме», нет ли у меня подходящего знакомого, с кем ее можно было бы свести, вот, например, Рон?

— Хочешь свести ее с эгоистичным самовлюбленным художником?

— Ну, нет, это бремя не для нее, это я сама... — И она погладила меня по щеке.

— Ха! — только и сказал я, а потом увидел какие-то пакеты рядом с ее сумкой и спросил, что там такое.

Из одного пакета Аликс достала лампу и объяснила, что она сделана из старой маккоевской вазы, ценная коллекционная вещь, по словам владельца